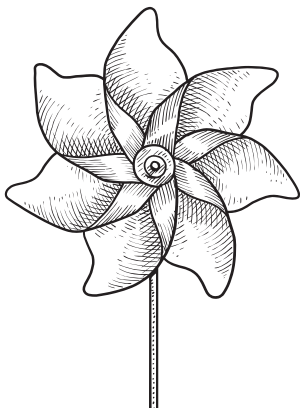

*Келли Гарсия,
посвящаю эту книгу тебе
и твоему мужу.
Живите долго и счастливо!*

1

Лето 2015-го

У нас в гостиной висит портрет матери Терезы — ровно на том месте, где у людей обычно красуется телевизор. Мы не можем себе позволить ни плоский телик, какие обычно вешают на стену, ни даже дом с нормальными стенами, которые выдержали бы подобную тяжесть.

Стены в трейлере совсем не такие, как в обычных домах. Поскребешь их ногтем — посыплется белая пыль, будто они сделаны из мела.

Однажды я спросила свою мать Жанин, почему у нас в гостиной висит портрет матери Терезы.

— Эта тварь всех провела, — ответила она.

Ее слова. Не мои.

По-моему, дурной человек невольно ищет в людях дурное. Это такой защитный механизм, или, если хотите, тактика выживания: исследовать темную сторону чужой души в попытке скрыть истинный оттенок собствен-

ной. Моя мать посвятила этому всю жизнь. Она искала в людях изъяны. Даже в родной дочери.

Даже в матери Терезе.

Жанин лежит на диване ровно в той же позе, что и восемь часов назад, когда я уходила на работу в «Макдоналдс». Она уставилась на портрет матери Терезы, но на самом деле ничего не видит. Ее глазные яблоки больше не шевелятся.

Не воспринимают мир.

Жанин — зависимая. Я догадалась об этом, когда мне было лет девять, хотя в ту пору она налегала только на спиртное, азартные игры и секс.

С годами ее пристрастия становились заметнее и пагубнее. В свои четырнадцать я впервые застала ее за употреблением мета. Когда человек подсаживается на мет, продолжительность его жизни резко сокращается. Однажды я зашла в школьную библиотеку и погуглила: *«Сколько можно прожить с тяжелой наркозависимостью?»*

Шесть-семь лет, ответил Интернет.

С тех пор я не раз находила мать в полной отключке. Но эта отключка другая. Окончательная, что ли.

— Жанин?

Голос у меня мог бы задрожать, сорваться или вовсе пропасть, но он, на удивление, ровный. Даже как-то неловко за свое спокойствие в такую минуту.

Я роняю сумку к ногам и, не сходя с места, внимательно разглядываю мамино лицо. На улице дождь, а я еще не закрыла дверь, поэтому меня до сих пор поливает. Глядя, как Жанин пялится на мать Терезу, я меньше всего думаю о том, чтобы спрятать спину от дождя.

Кости сердца

Одна рука Жанин лежит на животе, другая свисает с дивана. Кончики пальцев едва касаются потертого ковролина. Она немного отекла и оттого кажется моложе. Не моложе своих лет — ей всего тридцать девять, — а моложе, чем обычно: щеки не такие впалые, кожа вокруг губ, покрывшаяся в последние годы глубокими морщинами, разгладилась, как от ботокса.

— Жанин?

Нет ответа.

Рот слегка приоткрыт, отчего видны сколотые края гнилых желтых зубов. Как будто смерть застала ее на полуслове.

Я уже давно представляла, как это произойдет. Когда всей душой ненавидишь человека, ночами порой не дает покоя мысль: какой станет жизнь без него?

В моих фантазиях все было иначе. Куда драматичнее.

Я еще секунду-другую гляжу на Жанин — хочу убедиться, что та не впала в какой-нибудь транс. Делаю несколько шагов и замираю, увидев иглу, торчащую из вены на внутреннем сгибе локтя.

При виде этой иглы до меня наконец доходит, что случилось. Все тело будто облепляет пленка слизи, к горлу подкатывает тошнота. Я разворачиваюсь, вылетаю на улицу и перегибаюсь через трухлявые перила крыльца. Стараюсь не слишком на них налегать — чего доброго, проломаются.

Как только меня выворачивает, приходит облегчение: вот это уже нормальная реакция на переломный момент в жизни. Пусть я не бьюсь в истерике, как положено дочери, но хоть что-то чувствую.

Отерев рот рукавом форменной рубашки и не обращая внимания на дождь, который все еще льется на меня с бессердечного вечернего неба, я сажусь на ступеньку крыльца.

Волосы и одежда промокли насквозь. По лицу тоже градом бежит вода. Не слезы, нет. Только дождь.

Глаза мокрые, а на сердце сухо.

Я зажмуриваюсь и прячу лицо в ладонях, пытаюсь понять, чем объясняется мое равнодушие. Воспитанием? Или я такой родилась?

Интересно, какое воспитание все же губительнее — когда человека с детства окружают любовью и он до последнего не догадывается, как жесток мир, а потом просто не успевает развить необходимые для выживания навыки, или когда человек растет вот в такой семье, самой кошмарной из возможных, где его только и учат, что выживать?

В детстве, когда я еще не могла сама зарабатывать себе на хлеб, по ночам меня часто мучил голод. Однажды Жанин рассказала, что урчание, доносящееся из моего желудка, — это крик прожорливой кошки, которая поселилась у меня внутри и громко орет, если ее не накормить. С тех пор я начала представлять, как эта кошка рыщет по моему нутру в поисках съестного. А вдруг она ничего не найдет и с голодухи начнет пожирать мои внутренности? Со страху я набивала живот чем попало — и не только едой.

Как-то раз мать оставила меня одну так надолго, что я поужинала кожурой от банана и яичной скорлупой. Пыталась закусить набивкой дивана, но не сумела ее про-

Кости сердца

глотить. Почти все детство я боролась с этим страхом — что меня медленно пожирает изнутри голодная кошка.

Вряд ли мать оставляла меня дольше чем на день, но для одинокого ребенка время тянется ужасно медленно.

Помню, как она вваливалась в дом, падала на диван и часами лежала в отключке. Я засыпала рядом, свернувшись клубком в другом углу дивана, потому что боялась от нее отойти.

Утром после таких загулов меня обычно будил запах еды: Жанин готовила завтрак. Не всегда завтрак в привычном понимании слова — это мог быть зеленый горошек, яйца или просто разогретый куриный бульон из банки.

Примерно в возрасте шести лет я начала обращать внимание на то, как работает плита — чтобы знать, как с ней управляться, если мать опять исчезнет.

Многим ли шестилеткам приходится учиться пользоваться плитой из страха, что их сожрет изнутри голодная кошка?

Наверное, я просто вытянула несчастливый билет. Большинству детей достаются такие родители, по которым можно скучать, когда те умрут. Остальным везет меньше: их родители своей смертью оказывают детям услугу.

Пожалуй, больше всего я признательна матери именно за то, что она умерла.

* * *

Баз разрешил посидеть в патрульной машине, пока будут выносить тело, — чтобы я не мокла под дождем и не торчала дома. Вот мать уложили на каталку, на-

крыли белой простыней и закатали в труповозку — даже «Скорую» вызывать не стали. А смысл? В нашем городе люди младше пятидесяти умирают исключительно от зависимости.

Не важно, от какой именно. В конечном счете любая зависимость смертельна.

Я прижимаюсь щекой к стеклу и смотрю на небо. Звезд сегодня нет. Даже луны не видно. То и дело вспыхивают молнии, освещая скопления черных туч.

Погодка под стать случаю.

Баз открывает дверь и нагибается. Дождь сменился моросью, поэтому лицо у него слегка влажное, будто покрыто испариной.

— Подвезти тебя куда-нибудь? — спрашивает он.

Я мотаю головой.

— Если позвонить надо — не стесняйся, бери мой мобильник.

Опять мотаю головой:

— Все нормально. Домой уже можно?

Не знаю, так ли я хочу обратно в трейлер, где недавно испустила дух моя мать, но более заманчивых альтернатив на горизонте что-то не видно.

Баз отходит в сторонку и раскрывает передо мной зонтик, хотя на улице уже не льет, а я все равно промокла насквозь. Иду к дому, Баз с зонтиком шагает сзади.

Вообще-то я не очень хорошо знаю База. Зато с Дакотой, его сыном, знакома очень близко — настолько близко, что сама не рада.

Интересно, Баз осознает, какого вырастил сына? С виду Баз — человек порядочный, и к нам с мамой он всегда относился нормально. Иногда, патрулируя улицы, он

Кости сердца

проезжает через трейлерный парк и заглядывает к нам — справляется, как дела. В такие минуты он будто ждет, что я зарыдаю и попрошу забрать меня отсюда. Разумеется, я не рыдаю. И не прошу. Такие, как я, отлично умеют изображать благополучие. Я улыбаюсь, говорю, мол, дела замечательно, и тогда он облегченно вздыхает, радуясь, что я не дала ему повода для звонка в опеку.

Очутившись в гостиной, я не могу отвести глаз от дивана. Он теперь выглядит иначе. *Как будто на нем кто-то умер.*

— Все нормально? Ночь впереди...

Я оборачиваюсь: Баз стоит за дверью под зонтом и смотрит на меня. Взгляд добрый, сочувственный, но я-то знаю, что в мыслях он представляет гору бумаг, которые ему придется заполнить по нашей милости.

— Да, все хорошо.

— Завтра загляни в бюро ритуальных услуг — надо устроить похороны. Они сказали, что ждут тебя в любое время после десяти.

Я киваю, но он не уходит. Только стоит на крыльце, переминаясь с ноги на ногу. Потом закрывает зонт на улице — неужто верит в плохие приметы? — и шагает через порог.

— Знаешь, — говорит Баз и так морщит лоб, что даже плешь идет складками. — Если ты не доберешься до ритуальщиков, они похоронят ее безвозмездно. Никакой церемонии не будет, зато и платить не придется.

Ему явно очень неловко говорить об этом. Он невольно косится на портрет матери Терезы и виновато опускает глаза, будто та его пожурила.

— Спасибо.

Устрой я похороны, на них все равно никто не пришел бы. Печально, но факт: моя мать была совершенно одинока. Конечно, она с кем-то общалась в местном баре, куда ходила последние лет двадцать, но тех людей не назовешь ее друзьями. Это просто такие же доходяги, которые идут в бар, чтобы сходить с ума от одиночества вместе.

Да и та компания в последние годы сильно поредела: наркотики выкосили полгорода. А чудом уцелевшие алкаши все равно не из тех, кто захочет пойти на похороны. На большинство выписаны действующие ордера на арест, и они избегают любых общественных мероприятий — на тот случай, если полиция решит устроить облаву.

— Отцу позвонишь? — спрашивает Баз.

Я молчу, сознавая, что рано или поздно мне придется это сделать. Но лучше поздно, чем рано.

— Бэйя. — Он опять произносит мое имя неправильно — через «э».

— Правильно «Бейя», через «е».

Не знаю, зачем его поправила. Сколько себя помню, Баз всегда называл меня Бэйей, и раньше я не поправляла.

— Бейя... Это не мое дело, но... Тебе надо уезжать. Сама знаешь, что здесь происходит с такими... — Он осекается, боясь меня обидеть.

Заканчиваю за него:

— С такими, как я?

Теперь у него еще более пристыженное лицо, хотя он не имел в виду ничего плохого. Он говорил в общем смысле. «Такие, как я» — это люди с такими матерями, как моя. Малоимущие. Люди, у которых нет возможно-

Кости сердца

сти уехать из города. Люди, которые устраиваются официантами в закулочные и пашут там до одури, и когда повар предлагает им закинуться чем-нибудь для бодрости, чтобы скоротать остаток смены, они соглашаются, а потом глазом моргнуть не успеют, как уже не представляют жизни без дозы и ради нее готовы жертвовать чем угодно, даже безопасностью собственного ребенка. Скоро они начинают колотиться — и умирают от передоза, глядя на портрет матери Терезы на стене, а ведь им всего-то хотелось ненадолго сбежать от паршивой реальности.

В моем доме Базу явно не по себе. Скорей бы он ушел. Почему-то его мне жаль даже больше, чем себя, а ведь это я только что обнаружила на диване труп родной матери.

— Я незнаком с твоим отцом, но знаю, что он платил за трейлер с того дня, как ты родилась. Уже по одной этой причине тебе лучше поехать к нему, чем оставаться здесь. Если можешь уехать — дерзай. Так жить нельзя, ты достойна большего.

Подумать только, эти добрые слова — в жизни не слышала ничего приятнее — мне говорит не кто-нибудь, а отец Дакоты!

Секунду-другую он смотрит на меня, словно хочет что-то добавить. Или ждет ответа. Но мы оба молчим, и наконец он кивает и уходит.

Я вновь поворачиваюсь к дивану. Смотрю на него так долго, что все происходящее начинает казаться сном. Удивительно, как быстро может поменяться жизнь человека — в считанные часы между пробуждением и отходом ко сну.

Не хочется это признавать, но Баз, конечно, прав. Оставаться здесь нельзя. Я и не собиралась, просто до